

ВЛ. КАРДАИЛ

Современные сказки

Вл. Кардаил

Современные сказки

«Издательские решения»

Кардаил В.

Современные сказки / В. Кардаил — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-932707-9

Сказки помнятся по привычным с детства персонажам: Алёнушка, Сивка-бурка, Баба-яга и прочие кашеи, в реальном существовании которых мы не сомневались, а уж сегодня ещё меньше сомневаемся, потому что на каждом шагу подворачиваются знакомые герои и похожие ситуации. Вообще говоря, это сборник пародий — незлобивый юмор, конечно ирония, хотя не обошлось и без откровенной сатиры. Последнее обстоятельство с неумолимостью связало выдумку сказки с реальностью нашей интересной эпохи...

ISBN 978-5-44-932707-9

© Кардаил В.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Сказки кота Васьки	7
Присказка	7
Царство-государство	8
Волк и козлы	8
Зимовье зверей	9
Спящая царевна	11
Змей и солдат	12
Морозко	14
Золотая рыбка	16
Мужик и барин	18
Семь Симеонов	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Современные сказки

Вл. Кардаил

© Вл. Кардаил, 2018

ISBN 978-5-4493-2707-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Русские сказки, наряду со многими сказками других народов – неотъемлемая часть современного фольклора.

Мы их часто вспоминаем в быту, а то и глядя на общественно-политическую жизнь. Они попадают и в анекдоты, что навело составителя этого сборника на мысль слегка их осовременить, представить, как бы они звучали, если бы создавались в наше непростое время, в которое мы имели счастье попасть – увы, как кур в ощиц.

В сборнике использованы как народные сказки и сказки известных писателей (Пушкин, Аксаков, Ершов, Мамин-Сибиряк и др., аллюзии на творчество бр. Стругацких, В. Высоцкого, Б. Окуджавы), так и известные анекдоты, современный сленг и реалии по состоянию на февраль-май 2018.

Реалии эти неизбежно устаревают и, возможно, через некоторое время не будут понятны читателю без комментариев. Однако назначение сборника в том и состоит, чтобы бросить сатирический взгляд на состояние России начала нового века.

В сказках применены упрощённые словесные приёмы, которые стилизуют повествование под простонародную речь без претензии на особое знание этого вопроса, за что составитель сборника, интерпретатор известных сказок, просит прощения у профессиональных филологов.

Сказки кота Васьки

Присказка

Без присказки сказки – што без полозьев салазки, што штаны без пуговиц или, на худой конец, без молнии, а и што молния настояща без грому.

Начинаеца сказка с подсказки не от сивки, не от бурки, не от вещево каурки, не от молодецково посвисту, не от бабьево покрику, а от суровых обстоятельств окружившей нас судьбы.

Вот диво – так диво! На море-окияне, на острове Буяне стоит дуб – вдесятером не обхватишь. По дубу ходить кот Васька. Налево пойдёт – песнь заводить, направо – сказки сказывать. Сказки известные: жуй страна репу – вот тебе скрепа! Направо пойдёт: врёт бесстыже напропалую, глазом не моргнёт – ровно, как ево министр иностранных дел или ихние пресс-секретари.

Летать меж телебашен сова – веселá голова. Вот она летать, летать, садить, хвостиком повертуть, по сторонам посмотреть да опять летать, летать, садить, хвостиком повертуть... – и так до конца присказки.

Стоить столб точёный, золочёный, на нефтедолларах закручёный, враньём подточёный, на столбе птица – синяя синица, на цепь посажена, улететь не может.

Стоять избушки на Алтынке – снаружи златы маковки, унудре такия жи унитазы, печки муравлёны, потолки чёрных соболей, житье там двенадцать богатырей – все силовики, как на подбор, члены кооператива «Завод».

Скакали опришники по стольну-граду, царскою службою похвалялися, да тока люди им во след крестилися да плевалися.

Ездили дураки – высоки колпаки по бездорожью на «кроссоверах», деньги на дорожное строительство покрали, «кроссоверы» поломалися.

Щастье то ли было, то ли не было, ноне не видати, а от стариков слыхати: щастье – недо-трога, щастье – дорога.

Выпала зима снежна-красна, в лесу – пушай, а в городе убирать некому, потому што заместо дворников таньгу начальнички получают.

Жил царь на царстве, как сыр на скатерти, и была у ево в услуженьи девица-пропагандица, всех убаюкавица. Сам царь пятый срок сидить, на весь мир сердить, в дуду дудить: вставайте, мои подданные, с колен – а оне не встають, сопротивляюца. Опять же, сидючи, портреты царя охранять от унудрянных врагов сподручней.

А ить могли бы реки потечь молочныя, берега кисельныя, а по полям летать жареные куропатки.

Жил патриарх – царя глазами исть, мблиця, от народа бороду отворачиваить.

Разодрались на ток-шоу комар с мухой. Комар кусил муху, а муха-то – слепня, а слепень-то – шершня, а шершень-то – воробья. И пошёл у их бой – не разлить бойцов водой. Рейтинг, однако!

В тридевятом царстве, в тридесятном государстве, када снег горел, соломой тушили, много народу покрушили, да дел не порешили. Их туземный народ ык завсегда воевать привык: сперва сам с собой воевал, потом царь-ирод ево воевал, а таперь гибридна война в моде, – и так всю дорогу, разум не подмога? Войны затратны, потери объятны – дык всё ж не без дела.

А кот Васька на шоу-дебаты не ходить, знай снуёт туды-сюда, туды-сюды, он выше деба-тов, скока ево ни части – он слушаить да исть.

Энто тока присказка, сказка – ишо на срок впереди...

Царство-государство

Волк и козлы

Было энтэ, не было, но жили в одном царстве-государстве козлы. Жили – не тужили, а тут помер у их самый старый и главный козёл, – как, кубыть, таперь жить? Не привыкши. Сидять они, горюють, капуста в глотку не лезеть. Случилося тут пробегать мимо Волку. А он был из другой сказки, иде козлятушек обманул, так што опытный, матёрый. Постучал он в козлиные ворота и запел тонким голосом:

Козлятушки-ребятушки!
Я ваш новый отец,
из себя молодец!
Доверься, козлийный народ,
пусти мене в огород!

Услыхали энтэ козлы, столпилися пред воротами и говорить:

– Больно голос у табе тоненький, нам нужон такой козёл, штоб дикие звери боялися!

«Не вопрос, – подумал Волк. – Дело привычное». Сбегал к кузнецу, перековал голос, козлиную шкуру напялил, вернулся и снова спел ту же песенку.

Посомневалися козлы и пустили ево, хучь очень боялися за свою капусту. Давно известно: хто што охраняить, тот то и иметь. Волк, однако ж, не капусту стал хрумкать, а привёл с собой своих товаришшей по кооперативу «Заводь». Так образовалася козлиная элита. Расширили они огород до размеров плантации, а ишо выпас устроили – для козлов. И стала элита их помаленьку исть, но без фанатизма. Племенных козлов и коз даже за бугор на выставки посылали под усиленной охраной. Ваще всё пошло, как по писаному: наладили торговлю капустой и морковкой, присовокупили козлятины...

Однако и козлам утешенье: боялися таперь энтэво места дикие звери, обходили плантацию стороной. Козлы даже хвасталися: мы с колен, дескать, поднялися, список Форбса обогатили дальше некуда. А што сами бедно живём и едят нас по-чёрному – так то ничево.

Зато Волк демократию соблюл: устраиваить избирательные кампании, иде побеждаить нерушимый блок волков и козлов, а ишо самый главный, все толпой тока за ево и голосують. Да, говорить, ить и не за ково больше!

И я там был, пробовал с козлами на энту тему поговорить, но они слушать не стали, а так наподдали мене под одно место, что до сих пор сидеть не могу. Таки чё? – лёжа-то сподрушней сказки рассказывать.

Зимовье зверей

По опушке дремучего леса шёл бычок, попадаица ему навстречу баран.

– Куды, баран, идёшь? – спрашивает бычок.

– От зимы лета ищу, – говорит баран.

– Айда со мною!

Идут они вместе, а дале к им таким же манером попадают в компанию свинья, гусь и петух. Хавронья от зимы желудей искала, гусь – пруд, шток не замерзал, а петух – иде зимой зерно клевать и песни петь.

Вот они идут путём-дорогою и рассуждают промеж сабя:

– Ну што, братцы! Осень уже накатила, иде будем тепла искать?

Бычок сказываеть:

– Давайте избу строить, а то, чево доброго, и впрямь зимою замёрзнем.

Баран говорить:

– У мене шуба тепла! Я и так перезимую!

Свинья:

– А и я не боюся: закопаюся в сено и так прозимую.

Гусь:

– А я заберуся в ельник, одно крыло постелю, а другим накроюся!

Петух:

– А я на своих крыльях летать буду с места на место и не замёрзну.

Бычок видит, надо одному хлопотати.

– Ну, – говорить, – как хотите, а я избу построю.

Сладил сабе избушку, а тут и зима морозна накатила. Скоро подбежал к избе баран:

– Пусти, брат, погребца.

Бычку стало ево жаль: как-никак тоже рогатый. Далее таким же манером к ему обратно присоседилися прозябшия свинья и пернатый гусь с петухом.

Вот живут они сабе в избушке. Отогрелся в тепле петух и начал песенки распевать. Случилося так, што пробегала мимо лиса из самой, што ни на исть, лесной полиции и службы исполненья наказаний. Услыхала петуха, приняхалася...

И побежала к медведю, который ведал в лесу сразу законодательной и исполнительной властью, а у ево, как всегда, сидел за бутылкой скоч-виски волк, заведующий безопасностью и границами леса.

– Ну, любезные куманьки! – говорит она им. – Нашла я для всех поживу: для табя, медведь, – бычка, для табя, волк, – барана, ну, а мне хватить петуха с гусятинкой.

– Ай да кумушка! – говорит медведь. – Хвалю за службу! Пошли, волк, ето дело стбящее, на несколько пар тышш потянить.

Лиса привела их к избушке. Медведь говорит волку:

– Иди уперод!

А волк, конешно, храбрый был, но не особо, и разрычался:

– Чё я? Как чё, так сразу я! Отвечать – тоже я! Ты у нас власть, – зачем мы табя на ея посадили? Иди ты уперод!

Однакость начальник исть начальник, пошёл волк. Сунулся в двери, – бычок и припёр ево рогами к стенке. Баран разбежался – и рогами в бок. Свинья накинудася – и давай рвать из лесной безопасности ключья. Гусь подлетел – глаза щиплеть. А петух с бруса ка-ак заорёть:

– За-ку-ка-реку! За-ку-ка-реку!

Услыхали то лиса с медведем – да бёжать!

Насилу волк вырвался, догнал законодательную и исполнительную власть и рассказывать на ходу:

– Ну, што было! Таково страху отродясь не видывал. Вошёл в избу – откуда ни возьмись, мужик с вилами на меня, к стенке прижал! Набежало народу, все супротив, никакого уважения – кто бьёт, кто рвёт, кто шилом в глаза колить. А ишо один на брису сидел да кричал: «Заку-секу! Заку-секу!»

Ну их к лешему! Пусть живут, как хочуть, целея будем.

Вот почему, када законодательная и исполнительная власть в одной морде, то такие морды никада не ходють на предвыборные дебаты.

Спящая царевна

Спать царевна, а вокруг ея все ходють на цыпочках.

То добрый молодец пройдёт, часть бюджета стибрить.

То другой прошмыгнёт с шоблой опришников в масках – рейдерский захват требуть таинства!

То третий – спецоперацию очередну провернёт по исправлению заблуждений в мировом общественном мненьи.

То ишо хто проскользнёт на отравление очередново национал-предателя каким-нть веществом, приводящим в отропь весь мир бусурманский, да и нас самих, ежели помыслить отважно и дерзко на собственной кухне.

То прошрушить по проезжей части на мягких шинах за матерьялами, што отгрузять по дешёвке на постройку дворца сказошново – натурально, за деньги, которыя дьяк али енерал до конца службы на благо отечества через бюджетну кассу не заработали бы.

Спать сабе царевна все триста лет, накарканных злой колдуньей в качестве срока перехода от тирании к демократии.

Тока спать она не лёжа, а стоя: в одной руке весы покачиваюца, в другой меч-кладенец разящийся, совсем заржавел, а на глазах повязка, штоб белый свет спать не мешал.

Так што по фига ей всё, а и власть всё решить: правозащитникам – сроки огромныя и этапы длинныя, а опришникам и прохиндеям во Христе – святое благословенье и новые назначенья во славу и благоденствие спящей империи.

Спит царевна – и вы спите и не рыпайтесь, дорогия граждәне-избиратели, без вас всё примуть и решать – кому в нищете беспросветной жити, кому дымы ядовиты вдыхати, – а кому в сказошных дворцах обитати и на Мальдивах отдыхати.

Змей и солдат

Было то али не было, но в некотором государстве шёл по дороге солдат. Отслужил своё, многое повидал, не имел ни кола, ни двора, зато обрёл чувство справедливости, редкое по нашим временам. Звали его, скажем, Бровкин. Шёл он, куды глаза глядеть, покуривал самокрутку и песни распевал.

И вот дошёл Бровкин как-то под вечер до ярмарки. Нашёл хостел, постучал:

– Эй, хозяйва, пустите солдата переночевать!

Нихто не отзываетца. Пошёл он к гостинице – и здесь ни ответа, ни привета, всё кругом пылью да паутиной покрылося. «Што за диво? – думает Бровкин. – Куды ж все люди подевались?» Стал ходить по павильонам – везде пусто... Вошёл, наконец, в последний. И видит: сидит за столом мужик-предприниматель, пригрюнился.

– Здравствуй, добрый человек! – говорит Бровкин.

– Здравствуй, служивый. Как ты сюды попал? Видно, жисть тебе надоела. На войне уцелел, а здесь ни за што пропадёшь.

– Это ишо почему? – удивляеца солдат.

– Да вот, повадился к нам змей о трёх головах летать и пожирать предпринимателей – всех без разбору – и малых, и средних.

– Ето как же понять? Рази тут вас некому защитить?

– А хто нас будеть защищать? Змей-то о трёх головах: одна голова законы диктуить – мол, всё, што змей ни сделает, всё по закону, другá объявляить, што главное – ето высшая безопасность, да тока не наша, а змеиная, а третья судить – да усё в свою пользу. Так и проглотил змей всех, хто в Лондон не успел убрацца, мене одного до утра оставил. Завтра прилетить и съисть, да и тебе несдобровать.

– А можа, подавица? – усомнился Бровкин. – Дай-ка я с тобой переночую да посмотрю, што ето за змей такой.

Переночевали они. Утром поднялася сильная буря, закачался павильон – прилетел змей. Сунул свои головы разом в дверь и в пару окон, уставился шестью газишшами на мужика и солдата.

– Ага, – говорит первая голова, – а вот и ишо один предприниматель! Объявляю законный рейдерский захват табя и твоёй амуниции!

– Подавишься! – отвечаить Бровкин.

– Неподчинение полиции, национальной гвардии и службе безопасности в моей морде, – заявляить вторая голова, – наказываца через съеденье!

– Самый справедливый змеиный суд, – объявляить третья голова, – приговариваить солдата-предпринимателя к поглощению! Приговор исполнить немедленно. А мужика завтра съем.

– Да я ить не предприниматель.

– А мне по фига – приговор ужо вынесен и обжалованью не подлежить.

– Взавраду съишь? – ухмыляеца Бровкин.

– Не сумлевайся! Разделаю на три части, каждой голове по куску, да и облизнуся!

– Врешь, подавишься!

– Да куда тебе со мной совладать!

– Я не таких, как ты видал, тварей ползучих и летучих!

– А ну давай попробуем, хто ково собрать?

– Ну, давай. Для началу – хто из нас громче свистнить?

Змей как свистнул в три пасти – в павильоне стёкла вылетели, с деревьев листья посыпались. Мужик с солдатом чуть не оглохли.

– Хорошо ты свистишь, да не лучше маво, – говорит Бровкин. – Завяжи-ка, мужик, ему глазищи, все шесть, а то, как свистну, оне у ево изо лбов выскочут!

Замотал мужик у змея все три пары глаз рогожей, а тот не возражал из спортивно интересу. А Бровкин уже приглядел биту.

– Внимание, – кричить. – Раз! Два! Два с половиной! Два на ниточке! Два на соплях!..

А сам хватъ биту да ка-ак саданётъ змея одним махом по всем трём головам! Змей взвыл и закричал во все горлы:

– Полно, полно, солдат, не свисти больше! Давай лучше с тобой побратаемси: ты бушь кубыть как старшим братом, а я – меньшим.

– Не к лицу мене с тобой брататься, ну да ладно уж, будь по-твоему!

Почесал затылок и придумал:

– Раз я старший, сделаем так: етого мужика тута бросим, пушай ярмарку сторожить. Летим, брат, в Лондбн, там, говорить, таковских наших предпринимателей хучь пруд пруди. Уговорим их домой вертацца, скажем: конкуренции никакой – амнистию объявим, а тута здесь с ими и разберёмся.

– Хороша идея! Как я сам не догадалси? Изволь, брат, полетели.

Сел Бровкин змею на спину и полетели они в Лондбн. Ну, а в Лондбне змея в цепи заковали и разобралися с им уже по всем аглицким законам, согласно которым законодательна, исполнительна и судебна власти разделены, што, натурально, предохраняить народ от нищеты и мора всяково. Посадили змея в тамошний зоопарк на всеобще обозренье. Стали на ево отовсюду туристы слетатися, штоб посмотреть на диво ползуче: мол, вот ведь как получаеца, када в некоторых царствах-государствах разделенья властей нету.

А Бровкин, в натуре, уехал обратно домой и занялся предпринимательством. С тех пор бизнесменов тама уже некому было жрати, а те, што уехали, вернулись, стали налоги платить, и зажил тамошний люд свободно, достойно и щастливо.

Морозко

В некотором царстве, в некотором государстве жил как-то мужик да с другой женой. У мужика была дочка, и у бабы была дочка. Все знают, как в старые времена за мачехой жили: недокрутисси – бита и недовертисси – тожа бита. А родная дочь што ни сделать – за всё по головке погладють: умница. Однакость в боле поздние времена вдругорядь всё переменялося: до мачех дошло, што надо бы всё наоборот: ежели любишь – закладай в дитятку трудолюбие, оно и жити подможет, и щастье принесёт. Однакость, времена-то обратно изменилися! И как там таперя дела с энтим обстоять?

Мачеха, кубыть как дважды учёная, гоняить свою дочку – скажем, Варвару, – как сидорову козу, штоб она скотину поила-кормила, дрова и воду в избу носила, печь топила, избу мела – и т. д. А падчерицу – скажем, Снежану, – понятно дело, холить, балуить, подарками задариват, на балы посылат с начальством знакомица на предмет вхожденья в высший круг, штоб не своим умом и талантом жить, а на чужой шее. Короче, к бедам и испытаньям всяким растёт Снежана непривыкшая. И вот наступает час, так сказать, испытаний: мачеха решила, што уж довели падчерицу до кондиции и пора на ей, наименее ценном члене ихнево коллективу, проверить на шивость воеводу Морозко – то исть, какй таки подарки тот готов выложить по запланированному в етой сказке случаю.

Мужик, конечно, был законченный подкаблушник – иначе как бы согласился везти дочку в трескучий мороз в лес и там бросить. Конечно, затужил, поплакал, как положено, однакость делать неча, бабы не переспоришь. Запряг лошадей:

– Садись мила дочь, в сани.

Повёз бедняжку в лес, свалил в сугроб под большую ель и уехал. А в нашем царстве-государстве за главново как раз и выступать тот самый Морозко, который всё подмораживает: политический климат, оппозицию, социальные лифты, парламентскую деятельность – хобби у ево такое.

И вот сидит Снежана под елью, дрожить, озноб пробираить. Вдруг – чу! – невдалеке воевода по ёлкам потрескиват, с ёлки на ёлку поскакиват, пощёлкиват. Очутился на той ели, под которой девица сидит, и спрашивает ея сверху:

– Тепло ли тебе, девица?

– Тепло, Морозушко, тепло, батюшка.

Морозко подморозил солидарность и ишо гражданску активность, сам потрескиват, пощёлкиват:

– Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?

Она чуть дух переводить:

– Тепло, Морозушко, тепло, батюшка.

Морозко заинтересовалси, подморозил до кучи расходы на образование и науку, спрашивает:

– А как звать-величать тебя, красавица?

– Снежана Былдовна, – еле шевелить губами девушка.

Морозко ишо ниже спустился, пуце затрещал, сильнея зашщёлкал, экономику вконец заморозил, а судебныя расследования против малых и средних предпринимателей, наоборот, рассупонил:

– А таперь тепло ли тебе, Снежана, тепло ли тебе, Былдовна?

Девица окостеневать стала, чуть-чуть языком шевелить:

– Ой, тепло, Морозушко, тепло, ты наш свет в окошке и солнышко ясное!

– Ах ты, моя лапушка! – заценил Морозко девицу, перестал в ей сумлевацца, окутал тёплыми шубами, отогрел пуховыми одеялами и взял на заметку как ценный кадр.

А мачеха уж на всякий случай печёт блины – поминки справлять, кричить мужику:
– Ступай, старый, вези Снежанку, посмотрим, што с ей сталося!

Поехал старик к тому месту и видить: под елью скачить по сугробам ево дочь, весёлая, румяная, в собольей шубе, вся в золоте, в серебре, и рядом – короб с богатыми подарками. Ну, конечно, обрадовался, положил добро в сани, посадил дочь, повёз домой.

Мачеха взяла всё на ум и на следующий день велить:

– Запрягай, старый, лошадь обратно! Вези таперь мою дочь в лес, да посади на то же место!

Старик усадил Варварию в сани, завёз в лес, вывалил в сугроб под высокой елью и уехал.

И вот сидить мачехина дочь, зубами стучить. Морозко по лесу потрескиват, с елки на елку поскакиват, пощелкиват – заморозил заработки, пенсии, а уж прожиточный минимум – так ето сам бог велел. Замечаить девушку симпатишную:

– Тепло ли тебе, девица?

А она ему:

– Ты чё, окаянный, ваще с ума ковырнулси? Ты ж всю страну заморозил, кончай безобразничать!

У Морозко глаза круглы стали, в инее так и хлопають. Он ниже спустился, заморозил контакты с цивилизованным зарубежьем, обмен инвестициями, технологиями, налоги повысил, потрескиват, пощелкиват.

– Неужто не тепло тебе, девица? А вот усем ежели нравица! Говорять, нас пуще уважають, ежели усё заморозить-то!

– Ты совсем сбрендил, идиот? Моразька красноносый!

Воевода расстроился, ишо ниже спустился, с им редко хто так разговариваить, рази што Пионтковский да Бабченко. Сильнея приударил, затрешшал, зашщёлкал, устроил пару гибридных войн, довёл инфраструктуру до полново развала, самолёты падають, станции взрываюца, торговые центры горять:

– Неужто не тепло тебе, девица? Рази не тепло, красная?

– Ну, дурень, ты ж давно под суд созрел! Под международный!

Осерчал Морозко, да так, што Варвара получила свою двушечку – всё по закону, естественно, который и применил суд в форме эскимо «Метелица», к коему то и дело подъезжают на санях власть и деньги имушшия и откусывают по кусочку.

Так што Варвария, мачехина дочь, отправилася в свою исправительно-трудовую колонию строгово режиму, штоб неповадно было, а Снежану, мужикову дочь, Морозко закатал в сыр-масло и послал говоряшшей головой в брильянтовым кокошнике на един из телеканалов, коих у ево тьма.

Был и я там на одной из передач, помню, чё-то неуёмное стал орати про Морозко, што, конечно, вырезали, – зато оставили, как мене устроители пыталися проткнуть микрофоном наскрозь, штоб знал как людя́м всякия бредни баять.

Золотая рыбка

На море-окияне, на острове Буяне стояла ветхая избёнка, и жили в той избёнке старик со старухой. Жили в великой бедности, рыбы, какую ловил старик, едва хватало на уху, да и то под вечер. И вот однажды закинул он невод, вытянул, – а там трепыхаеца всево одна рыбка, правда, не простая – золотая. Взмолилася рыбка человеческим голосом:

– Отпусти мене, старче! Я тебе пригожуся, што пожелаишь, то и сделаю.

Жалко старику ея стало – ить не кажна рыба разговаривать по-нашему могёт – и отпустил просто так. Дома спрашивают ево старуха про улов, он, как на духу, всё ей и рассказал на свою голову. Разоралася старуха:

– Дурачина ты, – кричить, – простофиля! Гля, корыто расколоса, не в чем стирати, ступай к рыбке, требуй, штоб новое дала!

Делать неча. Поспешил старик обратно, бегаить по берегу, кличьть рыбку. Приплыла рыбка, спросила ласково:

– Чево тебе надобно, старче?

– Прости, государыня рыбка! Старуха моя осерчала, корыто у нас треснуло, новое прбсить.

– Ступай сабе с богом, будеть у вас корыто.

И точно – как в сказке: подходит он к избёнке, а старуха шмотки стираить в новом корыте, вся в пене.

– Дурачина, – отплёываеца, – простофиля! Ступай обратно к рыбке и без таливизера не возвращайси!

Спешить старик к морю, кличьть – и рыбка, натурально, исполнять и энто желанье, – што ей, таливизера жалко? Да хучь «Самсунг»! Приходить домой, а дома старуха в телек упулилася, просвещайца. Просвещалася она неделю, не боле, а там обратно своё:

– Дурачина, простофиля! Ступай, требуй у рыбки нефтяных и газовых месторождений, вот тады мы заживём, так заживём!

Пошёл старик на берег – помутилося синее море. Позвал, приплыла из глубины рыбка.

– Смилуйся, государыня рыбка! – молить старик. – Старуха моя совсем с ума ковырнулася, нефть с газом какие-то требуить.

– Не печалься, ступай сабе с богом. Будуть ей месторожденья.

Воротился старик и видить: вместо избёнки дворец из стекла и бетона, в высоких креслах царица сидить. Пригляделся – а энто ево старуха! Перед ей целый выводок олигархов, подале войско маршируить – сплошь «космонавты», старуха всем приказы отдаёт, за чубы таскаить: не так, мол, стоите! не так сидите! не потерплю! Завидела старика, приказала отволочь в конюшню и выпороть на всяк случай, а потом дать ему метлу и поставить дворником на задворках.

Много ли, мало ли времени прошло, но вот замыслила старуха всемирный антерес выправить, каким она сабе ево представляла. Приказала олигархам и енералам найти старика, те забегали, засуетилися, наконец обнаружили и приволокли.

– Во-первы́х, – говорить старуха, – штоб был мир многополярный. Во-вторых, штоб со мною все державы считалися и ништо супротив, а хто перечить будеть, тово в бараний рог. И в-третьи́х, штоб все трубопроводы, шельфы, острова и проливы вокруг, а в Ледовитом окияне так до самого полюса – мои были со всей нефтью и газом! И штоб звалася я великой энергетической царицею! А на дне Северного полюса – знамя нашенское воткнуть, штоб развевалося оно там, пока нефть с газом не кóнчаца!¹

¹ По прогнозам, довольно скоро, но на век старухи хватило бы.

Поспешил старик обратно к синему морю, за сердце хватаяца, еле дышать. Почернело синее море, заштормило, волны там – ну, всё, как у Пушкина. Еле дозвался старик сквозь вой ветра.

– Чево тебе надобно, старче?

– Смилуйся, государыня рыбка! Совсем старуха взбеленилася! Требуить, штоб звали ея великой энергетической царицею! Штоб никто ей не перечил, подавай шельфы ей, проливы, знамя на полюсе да мир при том многополярный!

Ничего не сказала на энтот раз рыбка, развернулася, махнула хвостом и ушла в глубину моря. Пригорюнился старик, воротился назад, – ан дворца-то никакого уж и нет, как не бывало, на ево месте стоять ветхая избёнка, на пороге сидеть старуха в драном сарафане, а перед ею разбитое корыто.

Мужик и барин

Жил-был мужик, которому не сиделось на месте, – ходил он то и дело на приработки, а заодно смотрел, как люди живут. И вот как-то оделся он по-походному, идёт путём-дорожкой, а навстречу ему барин на кроссовере «Мерседес-Бенц» – боярин из кооператива «Заводь». Захотелось боярину узнать, што думать простой народ о тех, хто на Руси всем заправляють. Приказал кучеру, тьфу, шофёру остановицца, подозвал мужика:

– А, – говорить, – добрый человек, вижу, ты много иде побывал?

– Да, точно так, – отвечаить тот, – бывал.

– И много народу видал?

– Видал порядошно.

– Скажи, пожалста, хто лучше – дьяк, опришник, поп или из нашего брата, боярин-барин?

Мужик подумал и говорить:

– Нихто не лучше, един другово хужее.

– Как так?

– Дьяки и опришники хужее, потому што мзду берут, людя́м жить не дають. Из-за их приходица отходный промысел на стороне искати.

– Так-так, ну а попы што не так делают?

– Да всё не так. Энти хужее потому, што обещають за послушанье тута – жисть в раю тама.

Так до тово раю ишо дожить надобно! Оне однаво бояца: кабы царю поперёк чево не сказати. Так што патриарх, прямо как ваша милость, на «Мерсе» ездить, тока бронированном почему-то. Видно-ть, на бога не надееца.

– А наш брат, баре-бояре, чем табе не угодили?

– Как чем? Вы всех хужее, вы ж царёва свита, каждый должен што-то кумекать хучь бы в хозяйстве и быту нашем. Так никаково кумеканья у вас не просвечиват, ни сверху, ни снизу – вот и приходица, как могём, выживати.

Отпустил боярин мужика и поехал дальше своею дорогою, удивляясь про сабя, какой глупый мужик пошёл, не понимаить сваво щастия жить в царстве-государстве, иде главные люди – бояре, опришники, дьяки и попы – денно и ношно бюджет распределяють туды-сюды, вертикаль державную охраняючи. Нет, никак боярин энтово в бороду взять не смог и решил, как приедеть в терем свой, велеть Маньке баньку истопить, а там напицца крепково мёду.

Был у энтой сказки когда-то другой конец – там мужик не раз барина обманывал и уличал ево в глупости. Но времена изменились, бояре таперь направо и налево свою образованность показывают, тока толку от ея простому народу нетути.

Семь Симеонов

Жили-были в некотором царстве-государстве семеро братьев-близнецов. Все один в одного и лицом и статью. Жили на озере, рыбным делом² занимались, охотничьим промыслом, ну и подворовывали помаленьку.

Случилось так, што ехал той стороной тогдашний начальник тайной канцелярии. Остановился на озере, половил с братьями рыбку, барбекю там, выпивон. Говорить им:

– Нравитесь вы мне, я ить тож занимался промыслом, делами разными... Царь стар стал, предложил ево заменить, э-э, временно. Пойдёте ко мне в услуженье?

– Отчево ж не пойти? – отвечают Симеоны. – Царский промысел – дело прибыльное.

– К какому мастерству хто способен, какое ремесло знаете?

Первый отвечать:

– Могу железный столп отлить и в землю вкопать, повыше Александрийсково буде.

– О! – хлопнул себе по лбу начальник. – Вертикаль устроим, хорошее дело.

Второй выступать:

– Могу с энтово столпа за людишками доглядати, усех буде видно, ништо не спрячеца.

– Лады, – говорить начальник. – За дьяками зырить бушь по всей вертикали, а заодно судить-рядить, законы писать.

Третий:

– А я могу продавать наши богатства природныя по чужим землям.

– О! – воскликнул начальник. – Вот и таньга для моей казны, финансами будешь ведать и внешним пиаром.

Четвёртый:

– А я с детских лет пою, пляшу, смешу!

– Класс! – радуеца начальник. – Будешь зрелища по госканалам устраивать, штоб был мой народ довольный и блаадушный.

Пятый:

– А я больше по тёмным делам: украсть, взорвать чё, спрятать концы, газ там, полный-210...

– Побнил! – прерываить ево начальник. – Безопасностью моёй будешь заведовать. Федеральной то исть.

Шестой:

– А я по части духовно-косметической, мозги пудрю, штоб чуть што гибрид, мол, и ништо не догадаеца.

– Ах, ты мой сладкий! – начальник аж подпрыгнул. – Вот чаво у нас не хватало – духовности! Даю тебе званье младшего полковника. Хто супротив духовности чё нарушить – тово в острог.

Наконец, седьмой:

– А я книги писать могу по нашенской истории славной, как мы до такой жисти докатилися и тыщу лет дальше катицца будем.

– Вот-вот! – бьёт сабя по ляжкам начальник. – Назначаю табя министром культуры, главным по скрепам. Всех по культуре обскачем, а хто скакать не будеть – тово в бараний рог.

Зажило то царство при новом царе при полной стабильности: все довольны, никаких табе вольностей, а уж тем боле новшеств заморских – ни к чему они, када скрепы есть. Царя с ево вертикалью оставили на тыщу лет править. Торговля природными богатствами идёт бойко, все семеро Симеонов, а заодно другие братаны, родня и прочие, в список Форбса попали, всем

² См. сериал «Икра». Было также Краснодарское дело, хлопковое...

заморским странам на зависть. Да и народ, хучь и живёт бедно, зато в темноте и не балу-ить. Одна дурашка-оппозиция, какá ишо в острог не загремела, никак сабе другово места не находить, тово и гляди, народ честной просвещать начнёт. И придумали тады Симеоны, што надо бы заморскими землями прирасти. Решили: поженить царя на княжне с ближнево ненашево острова. Мол, поднимеца волна патриотизма и усех умников смоеть в сине море.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.